

Эльвира Еникеева

**Клятва
Гиппо Кратоса:
Хризантема**

RUGRAM

*Моим маме и папе,
Номеру 19 с благодарностью за все.*

*COME into the garden, Maud,
For the black bat, Night, has flown,
Come into the garden, Maud,
I am here at the gate alone.*

Alfred Lord Tennyson «Maud»¹

¹ Пойдем в сад, Мод,
Ибо черная летучая мышь, ночь, улетела,
Пойдем в сад, Мод,
Я здесь, у ворот, один.

Альфред Лорд Теннисон «Мод»

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Е63

Еникеева, Э.

Е63 Клятва Гиппо Кратоса: Хризантема / Э. Еникеева. — М. : Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 332 с. — (Зверобойня).

Прошло шесть лет с тех пор, как волчица Бекка сбежала из Дома Хонсю. Она и ее друзья, куница Дункан и выдра Колдер, отлично жили в хижине посреди леса с ирбисом Кэтсуми, учились магии и боевым искусствам, пока волки Дома не решили напасть.

Теперь Бекке придется начинать все с чистого листа — ходить на работу в кафе, копить деньги и строить планы мести. А еще работать с демоном змеем Сатору-куном, заводить неожиданных знакомых и узнавать страшные тайны тех, о ком она, казалось, знает все.

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90839-4

© Еникеева Э., 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Глава первая ХРИЗЯНТЕМА

— Зачем мне учиться проникать в чужие сады? — недоумевала Бекка. — Разве неправда, что чужая душа — потемки?

— Ты научилась владеть огнем, — сказала Кэтсуми, — ты уже осваиваешь то, как взрастить цветок мановением лапы. Это урок об инь и ян, дитя. К тому времени, как ты получишь свою катану, ты будешь уметь и создать, и уничтожить... В этом твоя сила, как мага. Оками считают, что воины убивали для забавы. Будто чужие жизни ничего для них не стоили. Но это жестокая ложь. Дом Хонсю позабыл о главном.

— О главном?

— О том, что нельзя без конца уничтожать. О том, что воин должен защищать жизнь и честь, а не смешивать с пылью. Оружие не должно нести разрушение. Кайкэн, катана, копье — все это не символы войны. История помнит случаи, когда два воина сходились в битве, но один побеждал другого, не подняв клинка.

— Как так?

— Есть много способов... Ты должна научиться проникать в чужую Душу, в чужой сад, лишь взглянув зверю в глаза. Там ты узришь и корни его ненависти к тебе, и страхи — если захочешь добить психологически. Но также ты сможешь и лечить. Гнилые деревья бросаются в глаза сразу же.

— Но... у меня же не получается! Как я смогу...

— Ты поймешь. Однажды придет день, когда тебе понадобится воспользоваться этим способом, и ты все сделаешь верно, даже не готовясь.

* * *

— Что будете заказывать?

— Пусть моя спутница выбирает, — проворковал Кинтаро, устремляя полный любви взор на свою возлюбленную.

Невеста Кинтаро из видеоигры, кошечка Хироми, улыбнулась и потупила глазки.

— Я бы... Я бы не отказалась от гункан-маки.

— Мне то же самое, — облегченно выдохнул Кинтаро, который выбирать не очень любил.

— Отличный выбор, — улыбнулась молоденькая волчица и удалилась, помахивая коротенькой юбочкой.

Безупречно-белый пол кафе отражал свет ламп. Квадратные удобные столики, идеально гладкие, были все заняты, так что новым посетителям приходилось ждать, пока места освободятся.

Туда-сюда сновали официантки — лисицы, собачки, кошки в одинаковых розовых форменных юбках и белых кружевных передниках. То у одного столика, то у другого раздавались их звонкие голоса и сверкали одинаковые улыбки.

На кармашках форменных коротких футболок девушек красовалась нашивка в виде цветка, заменяющая бейджик.

Акита-ину Фуджи гордо носила цветочек глицинии. Волчица Кику — желтую хризантему. Шпиц Азэми имела нашивку в виде цветка чертополоха. Белая лиса Цубаки лично приклеила к своей камелии белые бусины. Обычные имена были у кошечки — ее звали Намэ, — и рыжей лисицы — Юко. Они обе имели на кармашках вышивки сакуры.

— Две порции рулета-кораблика на шестой столик и инари суши на десятый! — отчеканила Кику, бросая повару — красной панде листочки с заказами и забирая пару полных подносов.

Когда волчица устроилась, меньше полугода назад, засветила несколько синяков и шрамов на теле.

— Твои родители били тебя? — поинтересовалась Юко.

— С чего бы? — нахмурилась Кику. И тут же, догадавшись, закатила глаза: — Что ты! Моя амаэ была хорошая.

Больше к этой теме они не возвращались. Но Юко отметила, что Кику никогда не упоминала слова «мама». Конечно, слово «амаэ» использовали, когда говорили об отношениях ребенка и родителя, но его упоминали и в других случаях.

Лиса и волчица быстро подружились.

* * *

— Парни, я дома!

Волчица бросила сумку на диван. Из кухни выглянул молодая куница девятнадцати лет в джинсах и застиранной футболке.

— Будешь ужинать?

— Я весь день смотрю на этот чертов рис и суши, и меня скоро тошнить от этого будет!

Дункан понимающе кивнул, спихнул сумку с дивана и устроился с волчицей рядом.

— Так уволься.

— Куцехвостик, — прорычала та, приподнимаясь. — Ты хоть понимаешь, каких мне трудов стоило устроиться туда?! Не забывай, у меня не то, что образования — даже идентификационной карты нет!¹ Мы едва концы с концами сводим. И, если не оплатим до конца недели квартиру, то вообще на улице окажемся! Думаешь, я и Колдер... Минуточку. А капитан Цунами где прохлаждается?!

— Взял сверхурочные.

Волчица вздохнула.

— Извини, что накричала, Ду-Ду. Просто я устала жутко. И... — Она вздохнула. — И я по ней скучаю. Очень. Вроде время прошло, а все равно... А ты?

— И я, Бекка, — грустно улыбнулся Дункан и крепко обнял ее. — И Колдер. Только он у нас очень суровый и серьезный. Он не признается... А, хочешь, давай посмотрим фотографии? Тебе это обычно помогало.

Дункан достал из выдавшего виды серого шифоньера толстый красный альбомчик, уселся в кресло, и юная волчица прильнула к его плечу.

Первая страница. Всего одна фотография, но зато большая. На ней двенадцатилетний волчонок в розовом кимоно обнимает за шею ирбиса в красном платье. На ирбисе с другой стороны виснет маленькая куничка. А выдренок лет четырнадцати не снисходит до телесного контакта, но все же счастливо улыбается.

Фотоаппарат, на который сделали эти снимки подарили на день рождения куничке. Бекка решила, что можно потратить остатки

¹ В Японии нет документов удостоверения личности: паспорт выдается для путешествий вне страны на пять или десять лет. Документов о рождении там также нет. Вместо паспорта у большинства граждан Японии имеется идентификационная карта или национальная ID-карта, которая и используется при необходимости, наряду с другими документами, такими как водительские права или страховка. Чип карты хранит информацию о своем владельце: полное имя, пол, национальный идентификационный номер и т. д.

данных отцом денег на подарок — ведь они были уже не одинокими детенышами в чужой стране.

Следующие развороты повествуют о самых важных моментах жизни каждого из них. Как Бекка вырастила первое деревце мановением лапки и как она же впервые зажгла заклинанием большой костер. Как Колдер разбил лапой свой первый брусок дерева, как Дункан впервые попал ножом в центр мишени или как Бекка на тринадцатилетие получила свой кайкэн. Как Колдер переплыл реку с быстрым течением. Как Дункан разбил деревянные манекены-тренажеры мечом. Как Бекка на тех же тренажерах освоила безупречный удар — наискось от плеча до пояса.

А этот кадр особенный: на нем Бекка и Кэтсуми вместе занимаются цветами в саду. А на обороте лапою ирбиса выведено: *жизненный опыт — отец мудрости, память — ее мать. Всегда помни, кто ты такая.*

А на заднем фоне темнеет еще фигура — котенок ирбиса, высеченный из камня. Такие скульптуры называли статуями Дзизо, по легендам они помогали умершим детенышам перейти реку между тем миром и этим.

— У тебя были дети? — спросила как-то Кэтсуми Бекка. Та отказалась объяснять, что это за статуя.

Маленькая волчица, которая улыбается во весь рот на фотографиях, заплакала бы, вспоминая об этих счастливых временах, но нынешняя Бекка не плакала давно. С того дня, когда их с друзьями идеальная жизнь в один миг рухнула. И виной всему была она.

Тогда стояла осень — теплая, почти без дождей. Сухие сосновые иглы укрывали землю сплошным желтым ковром.

В хижине у озера стояла тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием кистей. Трое подростков, воспитанники Кэтсуми Стальной Улыбки, упражнялись в письме тушью.

Под руководством Кэтсуми эти трое освоили язык и несколько видов письма — сегодня они как раз перешли к одному из самых изящных, к иероглифам *седо*.